

Секция «Философия. Культурология. Религиоведение»

Постмодерная *border line* страха
Гончаренко Екатерина Сергеевна

Студент

Киевский Национальный Университет имени Тараса Шевченко, Философский
факультет, Киев, Украина
E-mail: agneshka13@yandex.ru

Если в изумрудно-зеленых глазах исчез лукавый блеск, это значит там поселился страх...

«... Будьте не едиными, но множественными! Рисуйте линии, а не точки! Скорость превращает точку в линию! Торопитесь, даже стоя на месте! Линия удачи, линия бедра, линия бегства. Не будите в себе Генерала! Делайте карты, а не фотографии и рисунки...»

Жиль Делез

В работе «Власть ужаса. Эссе о мерзости» [3] Юлия Кристева обращается к категории страха. Можно выделить два вида страха: «невысказанный» и «высказанный» страх. Оба эти вида страха расположены на границе между бессознательным и сознательным. Граница эта очень шаткая и, в зависимости от колебаний страха, трансфер воспроизводится либо в сторону высказанности, либо в сторону крошечного погрязания в невысказанности, до полного превращения в мерзость.

«Высказываться» страх желает не всегда: только нехватка чего-то «подстегивает» его к действиям. Желание самой нехватки порождает эстетическое. Страх с нехваткой чего-то побуждает воображение, а это открывает выход языку в жизнь, в качестве литературы, поэзии, т.е. в виде всего того целостного континуума, который можно назвать искусством, неважно какие он примет очертания или формы – театральные, фильминеские или музыкальные. Пусть эти формы высказанности даже светятся галлюцинозным светом, фантомной сублимацией, тянущейся мерзостью – не важно, главное «проговорить» свой страх, ибо он воскрешение, превращение пульсации смерти в скачок жизни, который дает новое значение. Эстетически скрывающийся в языке страх – это не лечение, это «ноу-хау» в обращении со своим страхом, где человек выступает режиссером постановщиком в собственной опере.

На много хуже та сторона страха, которая прячется за языком, т.е. остается скрытой, спрятанной, завуалированной и задрапированной, за границей социального договора о коммуникации, за чертой желания нехватки. Этот страх не желает быть обменян, он не желает посылать импульсы или сообщения вовне.

Когда, хоть на время исчезает наш собственный страх? Тогда, когда нам кто-то рассказывает о своем страхе, когда же мы проговариваем свой, он как будто сгущается, но становится менее страшным: мы умираем от страха, но в то же время воскресаем в тех словах, в тех формах которыми мы выражаем наш страх.

Страх пробуждает наше воображение, которое дает «новый язык, речь». Примером такого новшества может быть привнесение к сценам панического страха смеха или других форм выражения. Важным есть момент того, что «желающий выразить свой страх» выходит в сферу возвышенного, но так как одну и ту же ситуацию каждый

видит по-разному, то и вытащить из возвышенного можно разнообразные варианты сублимированного страха, который при этом обволакивается тем же возвышенным.

В наш музей воображаемого можно проникнуть путем смертельного ужаса. Воображение дает нам возможность воспринимать реальность и преобразовывать ее, ибо знать то, каковой она есть на самом деле, мы не можем. Воображаемое – это всего лишь условие восприятия реальности.

Высказанный страх может предстать «черной дырой» лица творчества к лицу творца в виде холста, либо просто листа бумаги, в виде киноэкрана или белой стены, В работе «Кино» [1] Ж. Делез говорит о том, что подлинная субстанция искусства – это ветреная, зигзагообразная, абстрактная линия, образующая горизонт творчества. Это «линия-мутант» освобождающая от смерти. Ибо, если страх не вывести на поверхность, он становится мерзостью, которая убивает личность. Но ведь каждый человек скорее стремится к некой самоидентификации, а не к своему полному саморазрушению. Поэтому человек, возбудимый страхом, однажды попав на межевую линию, отказывается от стереотипного подконтрольного сознательного и обращается к бессознательному, которое помогает раскрыть всю полноту, плюралистичность и адекватность его субъективной идентичности.

Таким образом *border line* – это линия бегства [2]. Линия, черта, граница, которая сцепляет, связывает разнородные элементы: звуки, краски, жесты и создает новые устройства.

Литература

1. Делёз Ж. Кино: Кино 1. Образ-движения; Кино 2. Образ-время / Пер. с фр. Б. Скуратова. — М.: Ad Marginem, 2004.
2. Deleuze G., Guattari F. *Mille Plateaux*. P., 1980.
3. Kristeva, Julia. *Pouvoirs de l'horreur : essai sur l'abjection*. Seuil. May 1, 1980. Paperback, 247 pages, Language French.